

Зачем мы губим тех, кого мы любим

Яреци Фернандез

Яреци спустилась вниз по склону и увидела горную речку. Сильное течение и вода, которая яростно смывает всё на своём пути. Она может уничтожить дома, дороги, людей. Реки могут выйти из берегов и затопить целые города. Она разрушает, уничтожает, она может сгладить грани острого стекла, чтобы никто не порезался. Она разрушает.

Яреци опустилась на колени у самого края воды и опустила руки в ледяную воду. Стало холодно, и она зачерпнула немного воды и плеснула себе на лицо. Умылась и глубоко вздохнула. Почему-то не было никаких эмоций, чувств. В другое время ей стало бы страшно, и она бы стала реветь или стараться поговорить с Тору. Сейчас почему-то не было ничего. И это её сильно пугало. Она помнила, что говорила ему ужасные вещи, это слово "ненавижу", брошенное ему абсолютно ровным и спокойным голосом, будто это был робот, её сильно пугало. О ненависти говорят на эмоциях, крича и сильно жестикулируя.

Она посмотрела на свою одежду и сняла кофту. Постирала её, пытаясь избавиться от пятен крови, чуть не выпустила из рук, и сильно отжала. Стряхнула и положила на землю рядом. Под солнцем она должна высохнуть. Магией пользоваться не хотелось. Магия только всё разрушает. Она всё разрушила. Дружбу, любовь, счастье. Просто уничтожила. Растоптала. И, кажется, она уничтожила свою душу. Потому что не было эмоций. Она поменяла положение и согнула ноги в коленях. Обняла их уками и положила подбородок на колени. Стала смотреть на потоки бурной реки, текущей рядом. отсутствующим и безэмоциональным взглядом. Шум воды успокаивал и уносил в забытие, из которого совершенно не хотелось уходить, и она закрыла глаза.

Когда она их снова открыла, то увидела, что солнце немного опустилось. Она вздохнула и потянулась. Потрогала свою кофту и, убедившись, что она немного высохла, надела её и с лёгкостью, которая удивила даже её саму, встала на ноги. Хотелось сделать что-то нестандартное, что-то, чего она ещё никогда не делала, и она направилась в деревню. И купила себе бутылку какой-то настойки. Выпила немного и поморщилась от жуткого неприятного вкуса. А потом направилась в сторону монастыря. Но остановилась около дома, который показался ей знакомым. Она бывала здесь иногда. А сейчас она увидела на ступеньке фигуру. Фигуру любимого Тору, который тяжело дышал, видно после тяжелого перехода или дня. На щеке были царапины, и она зажмурилась, отгоняя это странное видение. Направилась дальше. У ворот она снова остановилась. К ней навстречу шла Дарсия, которая стала рассказывать про своего молодого человека, и она смеялась и была счастлива. Она мотнула головой и почувствовала какую-то тяжесть в груди. Быстро зашагала прочь от этого места, и свернула с тропинки. Потеряться в горах ничего не стоит, но Яреци сейчас было без разницы, куда она идёт и зачем. И было без разницы, что с ней будет дальше. Она просто шла.

Шла она долго. Остановилась только когда упала, споткнувшись обо что-то. При падении разодрала себе коленку и подбородок. И вот это незначительное действие

заставило вернуться какие-то эмоции. Она вспомнила Тору и Кимико. Самых дорогих и любимых людей, и тихо заплакала, свернувшись в позу эмбриона.

Яреци Фернандез

Какие-то голоса привлекли её внимание, и она резко вскочила и посмотрела по сторонам. Недалеко по дороге шли два человека, они спускались в деревню. Наверное, это были местные, а может и обитатели монастыря. Это было совсем неважно, но она, стерев слёзы с щёк, направилась в деревню. Она не знала, что ей теперь делать, но, наверное, правильным было хотя бы вернуться домой и переночевать. Но она не могла вот так просто вернуться домой. Вероятно, она своими словами причинила боль любимому человеку. Вероятно, он больше никогда не захочет разговаривать с ней. Она была сильно виновата. Виновата во всём: и в том, что легла спать с дочерью вместо того, чтобы помыть посуду и убратся. И в том, что взяла ребёнка с собой, когда ей приснился этот страшный сон. Но кого она могла найти? Или нужно было просто Стефано объяснить дорогу? Или... Наверное, нельзя было спать. Она не имеет права жить своей жизнью, у неё не должно быть своих интересов. Только Кимико. Да и если посмотреть, какие у неё могут быть интересы? Она нигде не учится, она уже давно не рисовала, последнюю книгу, которую она прочитала, были детские стишки...

Она дошла до деревни и села на лавочку около колодца. Достала из кармана телефон. Восемь вечера. Она разблокировала экран и посмотрела на фотографию Тору и дочери. Первым желанием было выкинуть этот телефон, но она набрала номер. Послышались гудки, а потом раздался голос папы.

- Да, милая? Как у тебя дела? Как вы? Как Кимико? Тору? - слышался бодрый голос отца.

- Мы с Тору расстаёмся, - сухо сказала она. - Я бросила его.

- Что?! ты... Что случилось? - обеспокоенный голос.

- Мы поссорились. Я сказала, что ненавижу его. Я... устала...

- Ах ты устала?! Да я убью тебя собственными руками! - Вскричала трубка. - Позволь спросить, и что ты теперь будешь делать?

- Я не знаю... Папа, дай мне денег. Я хочу уехать. Вернуться к тебе...

- Нет.

- Что?

- Я не дам тебе денег. И ты не поедешь никуда. Ты должна быть рядом с ребёнком и мужем.

- Я ничего не должна! - Вскричала девушка. - Я устала от этого однообразия. Он постоянно на работе, и я не могу ничего делать! Я хочу отдохнуть.

- Если ты хочешь отдохнуть, то сдай ребёнка в детский дом и проваливай! Живи так, как хочешь! Но денег моих ты не получишь! - Прокричала трубка, а потом раздались гудки.

Яреци посмотрела на погасший экран мобильного и с силой швырнула его о плитку. А потом достала бутылку и начала пить. Где-то на третьем глотке закружилась голова, а желудок свело. Она убрала бутылку и закрыла лицо руками. Из груди вырвался всхлип, а потом ее накрыло рыданиями...

Джун Мотидзуки

После памятного посещения деревни, начавшегося с покупки четок и закончившегося жутковатым рассказом старика Жонга о заброшенном доме, Джун еще долго не мог забыть необычную девушку из своего видения и мотив напеваемой ей песенки. Его со страшной силой тянуло вернуться и прикоснуться к загадкам прошлого, которые продолжали будоражить его ум и, в какой-то момент, он так и сделал. Снова отправился в полуразрушенный дом, встретиться с призраками прошлого. А потом еще раз. И еще... В итоге он смог увидеть не только девушку, но и старуху, и одного из сыновей. Правда они так ничего и не говорили, просто занимаясь какими-то бытовыми вопросами, не способными пролить свет на тайну произошедшего несколько десятков лет назад.

Сегодня он снова пришел к загадочному дому, уже на подходах вытаскивая из кармана четки, с которыми последнее время не расставался. С каждым разом входить в транс становилось все легче и легче, поэтому Джун, заняв ставшее уже привычным место, начал неторопливо перебирать черные бусины. На этот раз ему удалось увидеть двух оставшихся членов семьи. Отец и сын, выглядящий практически его ровесником, жутко ругались в шаге от того места, где он сидел. Старший из членов семьи в чем-то обвинял парня, но суть их ссоры Джун так и не смог уловить, поскольку все закончилось слишком быстро и не дало ему возможности хотя бы немного приоткрыть завесу тайны, занимающей его все больше и больше.

Когда он выбрался из дома, голова просто раскалывалась от жуткой боли, поэтому Джун какое-то время просто брел в первом попавшемся направлении, пока ноги сами не вынесли его к колодцу. И он бы, наверное, прошел мимо, если бы его внимание не привлек женский плач, в котором слышались очень знакомые нотки. Подняв от земли глаза, он с удивлением обнаружил ревущую Яреци, которой следовало сейчас быть рядом с мужем и ребенком, поэтому тут же забыв о своих небольших проблемах, бросился к ней, пытаясь разобраться в ситуации.

- Яреци, что случилось? - Он положил руку ей на плечо и легонько сжал, пытаясь привести ее в чувство. Возможно, следовало немного приобнять девушку, но Джун не имел обыкновения позволять себе вольности по отношению к чужим женам, поэтому отложил подобные меры на крайний случай, надеясь и так добиться какой-то вменяемой информации.

Яреци Фернандес

Слезы из глаз так и текли, рыдания душили ее, и это, скорее всего было вызвано наличием алкоголя в ее организме. Напивалась она всего один раз, когда увидела

Тору на ступеньке крыльца, но тогда было иначе. Тогда было счастье от встречи с любимым, который еще не был любимым. Она была просто влюбленной дурочкой, которая поссорилась с родителями и уехала непонятно куда и непонятно зачем. А потом... потом было примирение с папой, счастливая жизнь, знакомство с родней Тору, беременность и рождение Кимико. Осенью будет три года, как она приехала сюда, увидев этот странный сон, что Тору погиб. А он всего лишь потянул себе ногу и расцарапал щеку. Его потом подлечили. Его бы вылечили, и он продолжил бы жить дальше. Работать, жить в монастыре, обучая обитателей владению оружием. И не было бы ничего этого.

Когда раздался знакомый голос, она резко замолчала и отняла руки от лица. Посмотрела на Джуну и стерла слезы с щек и глаз.

- Ничего, - наигранно холодно сказала она. - Я просто монстр, который уничтожает любовь. Я уничтожила Тору и Дарсию. Не хочу уничтожить тебя, так что уходи.

Она посмотрела на него, а потом открыла бутылку. Сделала несколько глотков и вкратце пересказала все, что случилось. А потом опустила голову и стала смотреть на плитку отсутствующим взглядом.

Джун Мотидзуки

Джун неплохо разбирался в людях, и его непросто было удивить какими-нибудь дикими поступками, обусловленными неадекватным эмоциональным состоянием человека, но, обладающей фантастическим талантом Яреци это удалось. Выслушав ее полупьяную речь и оценив масштаб трагедии, он даже не сразу нашел, что сказать, предпочтя для начала забрать у нее бутылку, от которой пока видел один лишь вред. Услышанное никак не хотело укладываться в его голове, но приходилось признать, что слуховые галлюцинации здесь не при чем, и Яреци действительно сотворила что-то совершенно невообразимое.

- Так, - начал Джун, когда его мозг снова принялся генерировать здравые вещи. - Для начала надо привести тебя в порядок, а потом разбираться с тем, что ты успела начудить. И, желательно, сделать это как можно быстрее, чтобы не вернуться в монастырь уже ночью и, тем самым, не доставить дяде лишних проблем или переживаний.

Ему сейчас и представить было страшно, что, во всей этой ситуации, чувствовал Мотидзуки Тору. Все произошедшее сильно выходило за пределы обычной семейной ссоры, поскольку здесь была замешана еще и Кимико. Рассказ Яреци был не слишком подробным, поэтому некоторые вещи Джуну приходилось додумывать, но и этого ему вполне хватило, чтобы впервые за последнюю неделю напроць забыть о загадках заброшенного дома и полностью погрузиться в решение проблем своей семьи.

Яреци Фернандес

Она безразличным взглядом проследила за тем, как он отнял в нее бутылку, а потом хмыкнула. Слушая его слова она всего лишь хмыкала, но никак не реагировала. Потом закрыла лицо руками.

- Нет. Я не вернусь обратно. Я... я монстр, чудовище. Я уничтожила его. Я уничтожили его любовь. Он... любил меня, а теперь... я не достойна быть рядом с ним. Я не хочу... - из груди вырвался всхлип, и ее снова накрыло рыданиями. Она постаралась встать со скамейки, но не получилось, и она упала. Все это выглядело глупо, и она закрыла глаза.

- Я ненавижу себя. Я причиню всем страдания. Я хочу уехать. Папа отказался мне помочь. Ну и плевать, я справлюсь без него. Я устала... устала от всего, что было. Я... не хочу...

Она прервалась и снова зарыдала. Со стороны это выглядело не очень хорошо, а ей потом наверняка станет стыдно.

Джун Мотидзуки

Озвучивая план дальнейших действий, Джун и не надеялся, что Яреци так легко со всем согласится и, тем самым, как-то облегчит ему задачу. Поэтому разразившаяся истерика его ни капли не удивила, пусть это было и последним, чего бы он хотел сейчас увидеть. Ему было жалко девушку, чьи искренние страдания мало кого могли оставить равнодушным, но, даже при таком раскладе, он признавал, что сегодня его молодая тетя перешла очень опасную черту, не позволяющую без серьезных потерь вернуться к тому времени, когда в ее семье царил мир и относительная гармония.

Разговаривать с Яреци и взывать к ее разуму было бесполезно, поэтому Джун, не успев подхватить девушку, когда она начала падать, сделал единственное, что сейчас показалась ему верным - опустился рядом с ней на корточки и сгреб в объятия, без которых, в данной ситуации, похоже, было не обойтись. По своему опыту Джун знал, что ревущей девушке для начала нужно дать проплакаться, показывая, что наедине с бедой ты ее не оставишь, а уж потом решать какие-то глобальные вопросы.

- Еще не все потеряно, мы что-нибудь придумаем. - Джун успокаивающе провел рукой по ее спине. Где-то в глубине души ему хотелось как следует ее встряхнуть и высказать отдельные резкие вещи, которые он думал по поводу подобного поведения, но молодой Мотидзуки не привык к подобному обращению с девушками, предпочитая пока более мягкую тактику и мысленно благодаря судьбу, за то, что та позволила ему натолкнуться на Яреци еще до того, как она успела совершить что-нибудь непоправимое.

Яреци Фернандез

- Не надо ничего придумывать, - всхлипнула девушка и сильно напряглась, когда Джун положил руку на её спину. - Я его предала, я поставила под угрозу жизнь нашего ребёнка. Но я... испугалась за подругу. Мне снился страшный сон. А если бы Маркус причинил Дарсии сильную боль? Укусил бы её или ещё что? Ведь... я должна была заботиться о брате, я не должна была его покидать, когда он нуждался в помощи. Он... А кому я должна была отдать Кимико? Да и если бы Тору был дома, то я... он бы не разрешил мне спасти подругу. А если бы Маркуса убили?

Она горько хмыкнула и попыталась встать, но снова ничего не получилось, и она уткнулась лицом в плитку. Закрыла глаза. Говорила она это по-прежнему сухим и

лишённым эмоций голосом, только изредка всхлипывая.

- Я не имела никакого права влюбляться в него. Я должна была отпустить его как только он познакомил меня с вашими родственниками. Я цеплялась за него, но... я боюсь. Джун, я боюсь, что я никогда не смогу сделать его счастливым. Я никогда не смогу сделать счастливой Кимико. Знаешь, мне моя мать однажды сказала, когда я только слышала голоса в голове, что у меня не всё в порядке с головой, и предложила мне лечиться в клинике. Может, это правда? Я... я не хочу больше жить. Я... хочу уничтожить свой мозг, чтобы никогда не использовать магию. Но разве это поможет? Разве поможет мне отсутствие магии вернуть любовь и дружбу? Я ненавижу себя.

Она сильно ударила кулаком по каменной плитке и зажмурилась от боли. Посмотрела на выступившую на костяшках пальцев кровь и закрыла глаза.

- Он же меня никогда не простит. Зачем мне к нему идти, если он не простит меня.

И снова рыдания накрыли её, и она села на колени и закрыла лицо руками. Потом отняла руки от заплаканного и раскрасневшегося лица и посмотрела на Джуна.

- Что мне делать? Мне... страшно...

Джун Мотидзуки

Полившийся на него поток слов Джун решил никак не комментировать. Он понимал, что его убеждения сейчас не возымеют должной силы, предпочитая просто дать Яреци возможность высказать все, что ей хочется и поделиться, к сожалению, не беспочвенными страхами. Он неплохо знал своего дядю и понимал, что тот может стерпеть многое, но угроза для здоровья Кимико и отказ, пусть и сделанный в неадекватном состоянии, от их отношений - это было слишком даже для такого стойкого человека.

Джун уже было собирался сказать хоть что-то, поскольку его молчание немного затянулось, но тут неожиданно зазвонил его телефон, который он включил, придя в деревню, да так и благополучно о нем забыл, засунув в карман штанов. Сюрпризы продолжались, и на экране высветился номер Морриса Фернандеза, с которым они толком не общались после открытия ресторана, к которому он, помогая брату, тоже приложил свою руку. А это значило лишь одно - отец Яреци уже что-то знает и от отчаяния набирает номера любых людей, которые могут иметь хоть какое-то отношение к его дочери.

- Мотидзуки-кун, это сеньор Фернандез, - раздался в трубке знакомый голос. - Я сейчас разговаривал с дочерью. Вы не знаете, что там у них случилось?

- Здравствуйте, Фернандез -сан. Я сейчас как раз с вашей дочерью. Похоже, они с дядей серьезно поругались, но обещаю вам, что не брошу ее и верну домой. - Джун не хотел врать, понимая, что обман считается быстро и легко, но чувствовал необходимость хотя бы немного успокоить отца Яреци.

- Как она? У неё был голос какой-то странный... очень сухой.. .Мы с ней

разговаривали минут двадцать назад, но потом у неё телефон оказался выключен.

- Ну, как бы можете догадаться, она плачет. А телефон... - Взгляд Джуна остановился на валяющемся неподалеку мобильном. - Не уверен, что он вообще до сих пор жив.

- Двинь ей хорошенько. А то она хотела уехать, всё бросить. Устала она, видишь ли!
- сухо сказала трубка. - Чёртова эгоистка, так ей и передай!

- Фернандез-сан, полагаю, она сейчас находится не в самом адекватном состоянии, чтобы принимать все ее слова на веру. Но я не сомневаюсь, что очень скоро Яреци придет в себя. Она любит мужа и дочь, а от опрометчивых поступков я сумею ее удержать.

- Хорошо. Спасибо тебе, - вздохнула трубка. - Но потом всё равно надо врезать, чтобы выбить из её головы всю дурь... Я надеюсь, что всё будет нормально. Держи меня в курсе, даже если всё будет не очень хорошо.

Пообещав отцу Яреци связаться с ним, когда что-нибудь прояснится, Джун убрал телефон в карман и повернулся к девушке. Она слышала часть их разговора, поэтому ничего комментировать он не стал, предпочитая вернуться к насущным вопросам.

- Яреци, ты уже не маленькая. А взрослые люди должны бороться со своими страхами, а не поддаваться им. Конечно, дядя так легко тебя не простит, но вернуться домой - это лучшее, что ты сейчас можешь сделать, чтобы не заставлять его страдать еще сильнее.

Джун очень надеялся, что его слова будут поняты правильно, и ему не придется потратить несколько часов на уговоры. Тащить Яреци домой силой он, конечно, мог, но предпочел бы этого не делать из-за полнейшего идиотизма самой идеи насильственного приволакивания блудной жены под грозные очи ее мужа.

Яреци Фернандез

Джун ничего не отвечал, и в принципе девушка сама знала, что он может сказать. Здесь было все ясно - она должна попросить прощения и вернуться к Тору. Вот только она очень боялась, что Тору ее никогда не простит. Он никогда не простит ее за то, что она снова использовала магию. Нет, не так. Он не простит, что она просто так отказалась от Кимико. Оставила дочь в опасности. А если бы Маркус ее не вытащил? Думать об этом было страшно. Она, и только она одна была виновата в том, что случилось и могло случиться. Она, и больше никто.

Джун, наверное, хотел что-то сказать, но тишину пронзил звонок телефона, показавшийся ей слишком громким и режущим сознание. Она закрыла уши руками и застонала. Мозг будто пронзила стрела. Было очень больно. И страшно.

Это звонил папа. Она не особо вслушивалась в разговор. Ей было страшно, и она совершенно не понимала, что делать. Джун вроде бы сказал ей, что нужно возвращаться домой, но она боялась даже пошевелиться. Ей казалось, что если она

сделает хоть шаг, то ее голова взорвется. Может, это и к лучшему?

Она медленно встала, опираясь на скамейку. Голова болела, желудок сводило судорогой, и она застонала. А потом посмотрела на ворота и вздрогнула. Именно на этом месте чуть больше года назад она приняла решение следовать за странными людьми, которые оказались бандитами. Из-за нее Джун попал в передрагу. Из-за ее глупого любопытства Джун пережил ужас. Из-за нее Тору чуть не погиб. Она закрыла глаза и вспомнила лица людей. Наглое лицо ментального мага, с его жуткой ухмылкой, когда он влиял на Маргариту. Потом где-то в глубине сознания послышались выстрелы. Картинка. Перед ней падает тело ментального мага с дыркой в голове. И слышится оглушительный выстрел. Пуля предназначалась Тору.

И все из-за нее...

Она до крови закусил губу и задрожала. Но, как ни странно, взяла себя в руки и, кое-как успокоившись, кивнула Джуну, сообщая, что готова вернуться. Она опустила голову и боялась заговорить с ним. Она боялась, что пружина, из которой состоит ее нервная система сейчас, слетит, и она устроит истерику. Она не хотела, чтобы Джун снова пострадал из-за нее. Она должна стараться никогда больше ни с кем не разговаривать. Ей надо попросить прощения, хоть она и знает, что не достойна этого...

Джун Мотидзуки

На его слова Яреци ничего не ответила. Она вообще перестала говорить, как если бы, поток, который она обрушила на него еще совсем недавно, утянул за собой практически все запасы звуков, которые она могла создать, оставив лишь возможность стонать. Джун видел, что страдания чрезмерно эмоциональной девушки практически перехлестывают через край, что легко читалось по ее лицу, но ничем не мог ей помочь, кроме как доставить домой и сдать на руки дяде. А дальше ей предстоял уже свой "бой," требующий силы и мужества, заметно превышающих то, что ей приходилось демонстрировать до этого.

Убедившись, что разваливаться на части Яреци в ближайшее время не собирается, как и расставаться с содержимым своего желудка из-за злоупотребления алкоголем, Джун аккуратно прихватил ее за предплечье и несильно потянул за собой. Ему казалось, что если он не поспособствует ее перемещению, то девушка так и останется стоять на одном месте, вращая в землю, пусть ее кивок и говорил о готовности возвращаться домой. А дорога до монастыря им еще предстояла долгая, причем, с совершенно непонятным финалом, поэтому ему стоило запастись терпением и продумать все, что могло бы помочь заделать трещину, образовавшуюся в отношениях двух близких ему людей.
